

K. Meng. Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien. Unter Mitarbeit von Ekaterina Protassova. (= Studien zur deutschen Sprache. Forschungen des Instituts für deutsche Sprache; Bd. 21). Tübingen: Narr, 2001. S. 549.

Рецензируемая книга посвящена исследованию языковой ситуации российских немцев, переселившихся в Германию за последние 10–15 лет. По официальным данным, с 1980 по 1997 год Германия приняла 2,8 миллиона переселенцев, в том числе 1,6 млн. из Советского Союза. Понятно, что изучение и описание процессов языковой интеграции переселенцев представляет значительный лингвистический интерес. В известном смысле сложившуюся ситуацию можно рассматривать как массовый лингвистический эксперимент, поставленный самой жизнью.

Языковая ситуация российских немцев заставляет с новых позиций обратиться к таким, казалось бы, устоявшимся понятиям, как родной vs. иностранный язык, литера-

турная норма, двуязычие и др. Уникальность данной ситуации с точки зрения задач лингвистического описания заключается в том, что на протяжении исторически короткого периода рассматриваемая этническая группа по меньшей мере два раза поменяла тип двуязычия (о разных типах билингвизма: субординативном, координативном, смешанном и др. см. [Беликов, Крысин 2001: 55–59]).

До Первой мировой войны единственным языком поволжских немцев, переселившихся в Россию при Екатерине Второй (ср. ее известный манифест от 22 июля 1763 г.), был немецкий, точнее, одна из его к тому времени уже достаточно архаизированных диалектных ипостасей. В период между 1914 и 1918 гг. российские немцы оказались в трудном

положении, которое оставило след и в языке (см. подробнее [Brandes 1997]). Национальная политика, проводившаяся в первые годы после революции, дала российским немцам возможность получения школьного образования на родном языке и овладения русским языком в объеме, превосходящем задачи бытового общения. Вследствие этого соответствующее поколение владеет немецкой – а довольно часто и русской – литературной нормой на относительно неплохом уровне (см. [Simon 1986; Lötjzsch 1992]).

Резкое изменение советской национальной политики в 30-е годы и последовавшая во время Второй мировой войны депортация российских немцев привели к практической потере родного языка. Причем принудительная русификация не сделала для них русский язык по-настоящему родным, в том смысле, что уровень владения им весьма далек от идеала адекватного употребления языка в различных функциональных регистрах (на причинах мы остановимся несколько ниже). После 1955 г. ситуация несколько изменилась, но немецкий язык изучался в школе уже не в качестве родного, как в 20-е годы, а в качестве иностранного. Более того, молодые люди лишились внутренней мотивации для овладения немецким языком, поскольку возможности его практического применения в послевоенной советской действительности были более чем ограничены (подробнее см. [Brandes 1997; Hilkes, Stricker 1997]). Массовое переселение российских немцев в Германию в последние 10–15 лет потребовало от них быстрого и эффективного овладения немецким языком.

В результате часто в одной семье (а российские немцы, как правило, переселяются большими традиционными семьями, объединяющими четыре поколения) живут вместе и общаются не просто представители разных поколений, но и носители разных видов двуязычия или полужузычия (об этом понятии см. [Полинская 1987]). Так, поколение прадедушек и прабабушек владеет немецким языком как родным. На немецком представители этого поколения говорили с рождения в семье и учились читать и писать в школе. Их устные навыки приближены к литературному стандарту. Они также достаточно уверенно владеют простыми навыками письменной речи. Немецким языком они пользовались всю жизнь наряду с русским в четком функциональном распределении. Их вид двуязычия может быть, таким образом, охарактеризован как диглоссия (см. [Беликов, Крысин 2001: 58–59]).

Поколение дедушек и бабушек является носителем немецкого языка лишь постольку,

поскольку его представители с рождения говорили на нем в семье. Их обучение в школе проходило исключительно по-русски, что привело к тому, что их немецкий язык в большей степени диалектно окрашен, чем у представителей более старшего поколения. В определенных бытовых сферах коммуникации немецкий язык использовался на протяжении всей жизни, тем не менее его ограниченность и удаленность от литературного стандарта представляет собой помеху для языковой интеграции.

Представители поколения молодых родителей, хотя и получили в семье начальные навыки устного владения немецким языком, которые были затем дополнены элементарными письменными навыками (в школе они изучали немецкий в качестве иностранного языка), практически – то есть за исключением отдельных бытовых выражений – не владеют им. Во время обучения в школе и на протяжении всей последующей профессиональной жизни их немецкий был полностью "перекрыт" русским. Представители этого поколения испытывают максимальные сложности в процессе языковой интеграции.

Дети-подростки абсолютно не знают немецкого, а для совсем маленьких детей, родившихся в Германии или переехавших в младенческом возрасте, немецкий является первым или даже единственным родным языком.

Дополнительная сложность языковой интеграции российских немцев состоит в том, что и их русский далеко не идеален, во всяком случае весьма далек от литературного стандарта. Таким образом, многие из них (в первую очередь, по-видимому, представители поколения родителей) вообще не владеют ни одним языком в подлинном смысле этого слова. Русский язык исследованных в рецензируемой книге информантов носит явные черты просторечия. Среди них Е. Протасова – автор соответствующей главы – выделяет чрезмерное употребление диминутивов, обращения типа *сына, сыночка*; употребление возвратного *-ся* в случаях, когда норма предписывает *-сь* (*разбилася, пачкалася, торопилася*); употребление предлога *с* вместо *из* (*несет с магазина*); употребление форм на *-а* типа *тута, здесь, тама, потома*, образование квазиадъективных форм от парасоссеивов типа *у ейшиного отца*. Показателем неуверенности в пользовании русским языком является также характерное для многих информантов перечислительное употребление различных вариантов одной и той же лексической единицы (с. 448–449). Следует, однако, отметить, что некоторые представители старшего поколения, частично имевшие возможность прямого доступа к русским диа-

лектам соответствующих областей, адекватно владеют региональными вариантами и умеют их творчески употреблять (ср., в первую очередь, сказки, которые они рассказывают маленьким внукам – с. 218–224).

Одна из причин принципиальной ориентации русского языка российских немцев на традиции просторечия усматривается в том, что овладение русским языком протекало для них, как правило, в условиях нерусского (большей частью казахского) окружения. Впрочем, и те русские, которые окружали российских немцев после депортации, вряд ли владели литературной нормой в полном объеме. Известно, в частности, что значительная часть русского населения Казахстана – это бывшие заключенные и ссыльные из разных регионов СССР и разных социальных групп (вспомни хотя бы "Балладу про генеральскую дочь" А. Галича и авторский комментарий к ней)¹.

Вообще, затрагиваемые в рецензируемой книге вопросы, связанные с русским просторечием, представляют значительный интерес и безотносительно к языковой ситуации российских немцев. Степень распространенности просторечия, его реальный статус (не только в смысле его отношения к литературной норме, но и в связи с той ролью, которую оно реально играет в общении многих носителей русского языка), его формы и разновидности, степень допустимого варьирования – все это вопросы, на которые до сих пор еще не получено однозначных ответов.

Важнейшей особенностью языка переселенцев является обилие немецких лексических единиц, вставляемых в русскую речь и оформляемых в соответствии с русскими фонетическими и морфологическими правилами. Здесь важно различать выражения, изначально присутствующие в речи под влиянием унаследованного (часто крайне редуцированного) немецкого, и выражения, сформировавшиеся уже после переселения под влиянием немецкого окружения. Например, *куссе* (*Kuss* – 'поцелуй'), *шац* (*Schatz* – 'сокровище'; в качестве обращения ≈ 'милый/милая'), *майн кинд* (*mein Kind* – 'дитя мое'), *ома* (*Oma* – 'бабушка'), *опка* (*Opa* – 'дедушка'). В качестве примеров немецкого влияния на с. 450 приводятся также и случаи

ошибочного управления; например, *жениться на русскую девчонку*, где в употреблении аккузатива *русскую девчонку* усматривается параллель с немецким аккузативным управлением глагола *heiraten*. Позволив себе предположить, что в данном случае речь идет о достаточно типичном для просторечия ненормативном управлении (ср. в скетчах А. Райкина *у сестре она, к сестры поехала*).

Что касается немецких слов, вставляемых в русскую речь под влиянием немецкого окружения, то на них, по-видимому, стоит остановиться несколько подробнее. Это, в первую очередь, обозначения новых с точки зрения говорящих реалий: *хаусмайстер* (*Hausmeister* – 'ответственный за эксплуатацию здания'; ≈ 'управдом'), *киндергельд* (*Kindergeld* – 'денежное пособие на ребенка'), *ферзихер* (*Versicherungsvertreter* – 'страховой агент'), *социал* или *социалка* (в различных значениях: *Sozialamt* – 'ведомство по вопросам социального обеспечения', *Sozialwohnung* – 'квартира в составе социально-жилищного строительства' или *Sozialhilfe* – 'пособие для малоимущих'). Менее очевидны причины заимствования в случаях типа *банхоф* (с ударением на втором слоге; от *Bahnhof* – 'вокзал'). Возможно, вокзал в Германии, с точки зрения говорящих, настолько сильно отличается от того, что они называли *вокзалом* по-русски, что они рассматривают вокзал как своего рода реалию. А возможно, они и вообще никогда не использовали в своей речи слово *вокзал*. Подобный материал интересен и для решения чисто лингвистических задач: он позволяет, в частности, изучать продуктивные словообразовательные модели (ср. *социалка*), предпочтительные способы сокращения морфологически сложных слов (ср. *ферзихер*) и пр.

Довольно большую группу адаптированных немецких заимствований составляют слова и выражения, обозначающие сущности, с которыми переселенцы постоянно сталкиваются в быту. Предпочтение оказывается немецким заимствованиям, даже если существует хорошо известное (и явно знакомое переселенцам) русское слово с аналогичным значением. Ср. *танеты* (*Tapeten* – 'обои'), *келер* (*Keller* – 'подвал'), *тенух* (*Teppich* – 'ковер'), *рехнунги* (*Rechnungen* – 'счета'), *ангебот* [(*Sonder*)-*Angebot* – 'уценка, скидка']. Одна из причин предпочтения заимствований в этих случаях кроется, видимо, в том, что соответствующие концепты встроены в другие, отличные от 'отечественных' системы организации быта. Иными словами, для переселенцев это принципиально другие обои, ковры и подвалы – элементы нового быта, требующие иных, отличных от русских,

¹ Оговорим, что сказанное не следует понимать в том смысле, что среди российских немцев вообще нет образованных людей. Однако люди с высшим образованием крайне редко переселяются в Германию, справедливо полагая, что им вряд ли удастся найти работу, соответствующую уровню их профессиональных и статусных ожиданий (ср. с. 448).

наименований. Особенно яркий пример тому – слово *ангебот*, употребляемое в самых разнообразных сочетаниях: *купить по ангеботу*, *когда у них ангебот будет*, *ангебот где идет* (с. 454). По мнению авторов, слова *уценка* и *скидка* ассоциируются с плохим качеством предлагаемых товаров, в то время как *по ангеботу* можно купить и очень хорошие (по крайней мере, с точки зрения говорящего) вещи. Более реалистичным представляется другое объяснение. Поскольку испытуемые регулярно слышат или читают соответствующие немецкие слова – например, в ситуации приобретения обозначаемых ими товаров, – более экономным с когнитивной точки зрения оказывается для них воспроизведение данного слова, нежели поиск адекватного русского эквивалента.

Более загадочный случай заимствований – употребление в русской речи переселенцев слов типа *Gedanken* ‘мысли’, *Lust* ‘охота, желание, удовольствие’, *Freude* ‘радость’, *Spaß* ‘удовольствие, забава, потеха’, *Erlebnis* ‘переживание, событие’, *träumen* ‘мечтать, видеть во сне’. Трудно себе представить, что испытуемые не владеют русскими обозначениями ментальных и психических состояний. Причину заимствований следует усматривать скорее в том, что, с одной стороны, соответствующие немецкие выражения обладают иным объемом понятия, чем русские *желание*, *удовольствие*, *забава* и т.п., и могут оказаться в каких-то ситуациях более адекватными интенциям говорящего, а с другой – переселенцам вообще свойственно включать в свою речь немецкие слова и выражения, что связано с желанием поскорее выучить немецкий язык и полностью интегрироваться в новую среду. Если эта гипотеза верна, она объясняет употребление и других немецких слов в русской речи. О наличии подобного стремления свидетельствуют в какой-то степени и репетитивные немецко-русские секвенции типа *Kindergarten* *детский сад*, *Arzt* *фельдшер*, *danke* *спасибо*, *auf Wiedersehen* *до свидания*, *hier* *здесь*, иногда вводимые метакоммуникативными формулами *то же что, по-немецки/по-русски это, это значит* и т.п. Употребление подобных дублетов свидетельствует также и об определенной неуверенности в порождении высказываний.

При обсуждении причин вкраплений немецких заимствований в русскую речь нужно иметь в виду и возможность сознательной языковой игры. Этот фактор в рецензируемой книге не обсуждается. Возможно, у авторов, лично знакомых с испытуемыми и наблюдавших их в ряде лонгитюдных исследований (последнее относится прежде всего к

К. Менг, которая работала с испытуемыми в течение нескольких лет, не только наблюдая за их речью, но и оказывая им дружескую поддержку и помощь в интеграции), есть основания исключить возможность шуточного словоупотребления как нереалистичную гипотезу. Представляется, однако, что образования типа *для зихера* (от *sicher* или *Sicherheit* ‘для уверенности’) родились как результат сознательной игры с языком.

Особенно интересно с лингвистической точки зрения наблюдение, что речь детей школьного возраста содержит иные заимствования, нежели речь взрослых. Заимствуются не только и не столько отдельные слова, сколько лексико-синтаксические модели. Например, *до девятого девятого* вместо *до девятого сентября* (от выражения *bis zum 9.9.*, вполне допустимого не только в письменной речи, но и в немецком разговорном языке). Понятно, что на русский язык детей накладывает отпечаток изучение соответствующих выражений в немецкой школе, да и просто ежедневное общение с учителями и сверстниками – носителями немецкого языка.

Из дискуссионных моментов можно отметить высказанное на с. 457 положение о том, что характерные для русской речи переселенцев заимствования из немецкого языка позволяют обнаружить лексические лакуны. Даже если принять далеко не бесспорное понятие лексической лакуны², остается неясным, каким образом приведенные выше примеры заимствований (за исключением

² При работе с этим понятием неизбежно возникает вопрос, относительно чего определяется лакуна. Понятие лакуны базируется на (чаще всего имплицитном) допущении, что априорно известно, какие конфигурации смысловых элементов должны быть лексикализованы в любом языке. Характерно, что наибольшее распространение понятие лексической лакуны получило в “структурной лексикологии” Э. Коссериу и его последователей, основывавшейся на представлении о том, что лексико-семантическая система любого языка должна быть устроена предсказуемо симметрично. Если принять точку зрения на конвенционализацию тех или иных номинаций как на более или менее случайный процесс, подверженный воздействию самых разных – как языковых, так и культурных – факторов, говорить о лексических лакунах можно в лучшем случае лишь в контрастивном аспекте, то есть в том смысле, что язык А не имеет конвенциональной лексической единицы для обозначения сущности X, а язык В – имеет.

разве что слов-реалий, но это тривиально) могут служить индикатором лексических лакун в русском языке.

Языковая ситуация переселенцев на сегодняшний день довольно сложна и крайне далека от гипотетического идеала, предполагающего полную интеграцию в новое языковое и культурное сообщество при сохранении русского языка. Реально мы имеем дело скорее с обратной картиной (это относится, в первую очередь, к поколению молодых родителей). Их русский язык, помимо присущих ему изначально просторечных особенностей, размывается за счет — чаще всего бессознательного — использования немецкой лексики в русском морфологическом оформлении (типа *импехать* вместо *говорить*). Эти процессы зашли так далеко, что русская речь переселенцев не всегда понимается приезжающими к ним в гости из России родственниками и друзьями. Их немецкий язык еще более далек от совершенства. В результате доминирующая языковая ситуация для данного поколения может быть охарактеризована как полуязычие — они стали непонятны для русских, не став понятными для немцев.

Один из основных выводов, к которому пришли авторы этого крайне интересного и полезного как в лингвистическом, так и социально-культурном отношении исследования, заключается в том, что языковая интеграция российских немцев — это длительный и сложный процесс, результаты

которого станут очевидны лишь через много лет. Успешность этого процесса во многом зависит от того, насколько немецкое общество окажется в состоянии понять особенности языковой и социально-психологической ситуации переселенцев и поддержать их в преодолении трудностей интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беликов В.И., Крысин Л.П. 2001 — Социоллингвистика. М., 2001.
- Полинская М.С. 1987 — Полуязычие // Возникновение и функционирование контактных языков. М., 1987.
- Brandes D. 1997 — Von den Verfolgungen im Ersten Weltkrieg bis zur Deportation // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland / Stricker G. (Hrsg.). Berlin, 1997.
- Hilkes P., Stricker G. 1997 — Die Jahre nach dem Zweiten Weltkrieg // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland / Stricker G. (Hrsg.). Berlin, 1997.
- Löttsch R. 1992 — Sowjetische Nationalpolitik von Lenin bis Gorbatschow // Die Sowjetunion. Zerfall eines Imperiums / Hertzfeld L. (Hrsg.). Berlin, 1992.
- Simon G. 1986 — Nationalismus und Nationalpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. Baden-Baden, 1986.